Фотографии: Митя Лялин для ОВД-Инфо

03.04.2024, 13:33 Москва свой опыт

Пытки, порезанные вены и год в ШИЗО — разговор с фигурантом дела «Нового величия» Русланом Костыленковым

Руслан Костыленков, один из фигурантов дела «Нового величия», вышел на свободу 13 июля прошлого года. Он отбывал срок по делу о создании «экстремистского сообщества» (ч. 1 ст. 282.1 УК). Фигуранты дела и их адвокаты рассказывали, что «организация» появилась при активном участии внедренного сотрудника спецслужб. Руслану дали самый большой срок, он провел в заключении пять с половиной лет. Мы поговорили с ним о том, как прошли эти годы, почему

он специально оказался в ШИЗО и как его пытались завербовать на войну в Украину.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

English version

Слежка и встречи на Братиславской

Главная предпосылка к нашему делу — президентские выборы 2018 года. Люди предчувствовали, что они будут отрегулированы и срежиссированы, и уже заранее были недовольны. Я был в их числе. Агенты ФСБ и других органов тоже знали, что люди недовольны, и внедрялись в кружки единомышленников, все прослушивалось. Все были наготове: одни — протестовать против несправедливости, другие — ловить тех, кто протестует.

В марте 2018 года был первый тревожный звоночек. Аня Павликова написала мне и сказала, что к ней на работу пришли два странных человека, что-то спрашивали у ее начальства. Мы встретились, но это был странный разговор, она сама ничего не понимала.

11 марта рядом с моим домом появилась иномарка с двумя ребятами в гражданском. Я не шпион и не разведчик, никогда не работал в органах, но сразу понял, что это наружное наблюдение. Они так смешно поставили автомобиль — просто встали наискосок около парковки. Ни один мой сосед так не сделает. Это бросалось в глаза.

В тот день я вышел из дома и пошел в магазин мимо. Заглянул в машину, они посмотрели на меня. Мне кажется, их задача была просто постоянно стоять у моего подъезда и фиксировать, когда я выхожу и в какую сторону иду. Они меня не преследовали. Три дня этот автомобиль стоял у дома. 14 марта машина поменялась на внедорожник темного цвета. Там были другие люди, но стояли они на том же месте.

У меня не было мыслей бежать, хоть я и был уверен, что они следят за мной. Я просто не мог представить себе, что меня потом могут арестовать, поэтому не испытывал страх и не боялся наблюдения как такового. Понимал, что спецслужбы могут отслеживать группы, которые собираются и обсуждают политику. Но если бы я знал, что произойдет потом, то попробовал бы скрыться.

По версии следствия наша группа объединилась вокруг Вячеслава Мальцева еще в ноябре 2017 года. Они считали, что мы хотим что-то наворотить в день выборов. Но [видео] Мальцева я смотрел в своей жизни всего однажды и то секунд двадцать.

Последний раз перед задержанием мы встретились с другими будущими фигурантами 4 марта. В помещении на Братиславской было много людей, в том числе провокатор Раду Зелинский. Мы просто поболтали и разошлись. В тот день Раду Зелинский сказал, что на следующую встречу он не придет по личным причинам — якобы ему нужно куда-то отлучиться. Естественно, это была ложь. Видимо, он уже собрал всю информацию.

После этого где-то через неделю мы встретились с Аней Павликовой, Петром Карамзиным и Вячеславом Крюковым. Мы так же поболтали, потом пошли в кафе и разошлись. Никто не считал, что вокруг нас накаляется атмосфера и будут задержания. Лично я такого не чувствовал, да и ребята, наверное, тоже. Никто из нас не ощущал себя виноватым. Все просто считали себя людьми, которые недовольны выборами. Совсем последняя встреча была с Аней Павликовой, когда она рассказывала о двух странных людях, пришедших к ней на работу.

Задержание и пытки

Это случилось в мой день рождения — 15 марта мне исполнилось 25 лет. Я был дома один. В 10 утра в дверь постучали. Я никогда не спрашиваю, кто там, просто открываю дверь — так и в тот раз. Ко мне влетели бойцы СОБРа в полном обмундировании, их было человек пять. Они повалили меня на пол и начали бить ногами. Потом надели наручники, застегнули руки за спиной и посадили на табуретку в комнате.

Начался обыск. Я сидел в комнате и не понимал, что происходит. В комнату зашли трое: двое мужчин в масках и один — без. Он засунул мне за трусы маленький пакетик с белым порошком. Эти люди стали меня спрашивать: «Руслан, ты знаешь, почему мы здесь? Руслан, что ты сделал?» Возможно, это было нервное, но я начал смеяться. Они разозлились.

Собровцы меня держали, а двое оперативников стали обвинять меня, что я хотел взорвать Останкинскую башню. Потом сняли маски, я увидел их лица и назвал их про себя Рыжий и Бивень. Они стали меня колотить по лицу, ногам и животу. Хотели выбить из меня показания, что мы якобы готовили нападение, но толком ничего не добились.

Потом спрашивали, знаю ли я Вячеслава Крюкова и Аню Павликову. Конечно, я их знал, о чем и сказал. Тогда они стали кричать, что у нас банда. Так как я не говорил, что им нужно, тот, кто подкидывал наркотики, надел мне на голову пакет, обхватил руками за шею и стал душить.

Потом меня снова побили и повели на кухню, где уже допрашивал фээсбэшник. Есть видео с моего допроса, где я во всем «признаюсь», — это видео записано на моей кухне как раз после избиения. Когда фээсбэшник ушел, оно продолжилось. Потом собровцы взяли молоток для отбивки мяса. Нагнули и вставили его ручку мне глубоко в анальное отверстие.

Потом завели в комнату и привели туда четырех понятых. Я смотрел по документам: один понятой был из Москвы, другой — из Карачаево-Черкесии, еще двое — тоже из разных городов. Девушка и трое парней. Мне кажется, это были карманные понятые.

Спустя часа полтора меня вывели из квартиры, вытащили наркотики из трусов и затолкали в машину. Я ехал лежа часа полтора — до Следственного комитета, как я понял, Западного округа Москвы на Кутузовском проспекте. Там сидели остальные фигуранты «Нового величия». Всех нас арестовали.

Когда я давал показания, говорил про «Руслана Д.», который приносил листовки. Рядом со мной сидели Рыжий и Бивень. Они стали просить не указывать его в показаниях. Я уже тогда подумал, что это странно. Потом был суд, где мне избрали меру пресечения, и я уехал в СИЗО.

Задокументировать все последствия пыток не удалось. Когда я заезжал в СИЗО, у меня зафиксировали только следы от ударов, но на месте не было хирурга, и повреждения ниже пояса остались незамеченными.

«Никто не собирался нас отпускать»

В СИЗО № 3 «Пресня» я провел три года. Контингент состоял, в основном, из наркоманов и бездельников,

людей, которым не повезло, и они попались. Нападок со стороны администрации или заключенных на меня никогда не было. Все знали, за что я сижу, и говорили: «Руслан, ты тут сидеть не должен». Было тяжело, но мне помогали ребята-активисты, друзья и подруги.

Писем присылали очень много — со всей России и мира. Я отвечал каждому и тратил на это по три часа в день без выходных. У нас был очень хороший цензор, не было задержек или пропаж писем.

До 2019 года я переезжал из камеры в камеру каждые два месяца — не знаю, с чем это было связано. Сидел даже в спецблоке — это произошло из-за «дороги»: такая веревка, через которую сообщения передаются из одной камеры в другую. Я очень активно стоял на «дороге», мне сказали: «Будешь продолжать — уедешь на спецблок». Так и случилось.

Спецблок ничем не отличается от обычной камеры, просто там сидят люди с очень серьезными статьями, которые относятся к АУЕ-движухе. Спецблок отделен от остальных корпусов. Между прочим, там в камере был душ. Еще был домофон рядом с дверью: нажимаешь кнопку — подходит сотрудник. Такие почти элитные условия содержания. За тобой тщательно следят, но и условия более комфортные.

В камере спецблока вместе со мной сидели крупный криминальный авторитет, наемник, который воевал во всех странах мира, полковник российской армии, который продавал танки, и парень, который перевозил оружие из Питера в Москву.

Однажды со мной сидел человек — за взяточничество. Ему грозило до восьми лет лишения свободы, чтобы избежать этого наказания, он дал взятку следовательнице, ему переквалифицировали статью на мошенничество и дали два года.

Самое тяжелое в СИЗО — не знать, какой срок тебе дадут. С марта 2018 года по август 2020 года было очень сложно. Я постоянно находился в подвешенном состоянии. 17 октября 2019 года мы со Славой [Крюковым] в зале суда вскрыли себе вены, потому что не понимали, что происходит: почему Павла Ребровского отпустили домой, а нас — нет?

Достать лезвия было несложно. У каждого есть свой бритвенный станок. Я сломал его, достал из него лезвие, переломил на две части, закатал в бумагу и засунул в шов футболки. На суде дал Крюкову, и мы вскрылись. Я порезал себя в трех местах: шея, рука и лицо. Мы хотели создать резонанс, чтобы привлечь внимание к нашему делу, к несправедливости. Адвокаты потом на нас даже ругались, мол, вы же уже почти выходили на свободу и такую гадость устроили в суде. Я сказал: «Не держите меня за дурака, никто не собирался нас отпускать».

Нас госпитализировали и зашили порезы. После этого, видимо, из-за потери крови, я спал три дня. В августе 2020 года Люблинский районный суд Москвы назначил

семь лет колонии общего режима с учетом времени, проведенного в СИЗО. Как только дали наказание, пусть самое плохое, стало легче, потому что стала известна дата выхода.

Колония

Я отбывал наказание в ИК-2 Костромской области. В колонии есть иллюзия свободы: в отличие от СИЗО ты сидишь не в одной камере — есть барак, столовая, библиотека, церковь. С другой стороны, там есть определенные обязанности, которых не было в СИЗО. Ты обязательно должен работать и ходить на построение три раза в день, добровольно-принудительно участвовать в местных соревнованиях. Поэтому хоть ты и находишься под открытым небом, где нет решеток над головой, но в чем-то там даже сложнее.

В колонию я приехал в 2021 году и сразу серьезно заболел. Там был такой майор Кузнецов, который отвечал за всю стройку: заключенные возводили здания [внутри колонии] и ремонтировали их. Когда приезжали стройматериалы, нас привлекали их выгрузить. Едва я начал разгружать цемент и кирпичи, у меня в спине что-то резко дернулось — оказалось, это протрузия межпозвоночных дисков, которая стала грыжей. Из-за этого у меня до сих пор болят ноги и тяжело ходить. Так было весь оставшийся срок, потому что в колонии тебе никто грыжу не вылечит. Только сейчас мне будут делать операцию.

Внутри колоний есть определенные взаимоотношения между заключенными и администрацией: «красные» колонии, «режимные», «черные». Костромская колония, где я сидел, когда-то была «черной» — это значит, что некоторые рычаги власти принадлежали заключенным. В свободном обороте был алкоголь, наркотики и телефоны.

Была большая коррупция: можно купить УДО или какие-то поощрения.

Когда я туда приехал, вышел закон по противодействию системе АУЕ, и внутренняя власть сместилась со стороны заключенных на сторону администрации. Мое отношение к идеологии АУЕ очень плохое: как бы ее ни романтизировали, но вот это — действительно экстремизм. Принятый закон фактически развязал руки власти. Тех людей в колониях и СИЗО, кто особо активно продвигал эту идеологию, отвезли в областные «ешки» (ЕПКТ — единое помещение камерного типа, где нарушителей режима держат в строгой изоляции — *ОВД-Инфо*). Это гетто несогласных с режимом в колониях.

После этого режим постепенно и хитро меняется. Сначала администрация говорит: «Ребята, приезжает проверка, вы можете надеть форму, чтобы не было проблем ни у вас, ни у нас?» Один раз надели, два, а потом уже говорят: «А что это вы без формы?» То же самое с заправлением кровати. Никто там кровать, естественно, не заправлял. Ну ладно, заправили пару раз. Потом начинается: «А чего

у вас кровати не заправлены?» А те, кто не согласен, уезжают в штрафной изолятор. И постепенно через год-два колония превращается из «черной» в «режимную».

Когда я приехал, алкоголя и наркотиков в колонии уже не было. Каждое утро выходи и работай, не работаешь — отправляешься в ШИЗО, не выходишь на построение — ШИЗО, не участвуешь в каких-то мероприятиях — тоже в ШИЗО могут отправить, пуговица наверху не застегнута — ШИЗО, нагрудный знак не приклеен — ШИЗО.

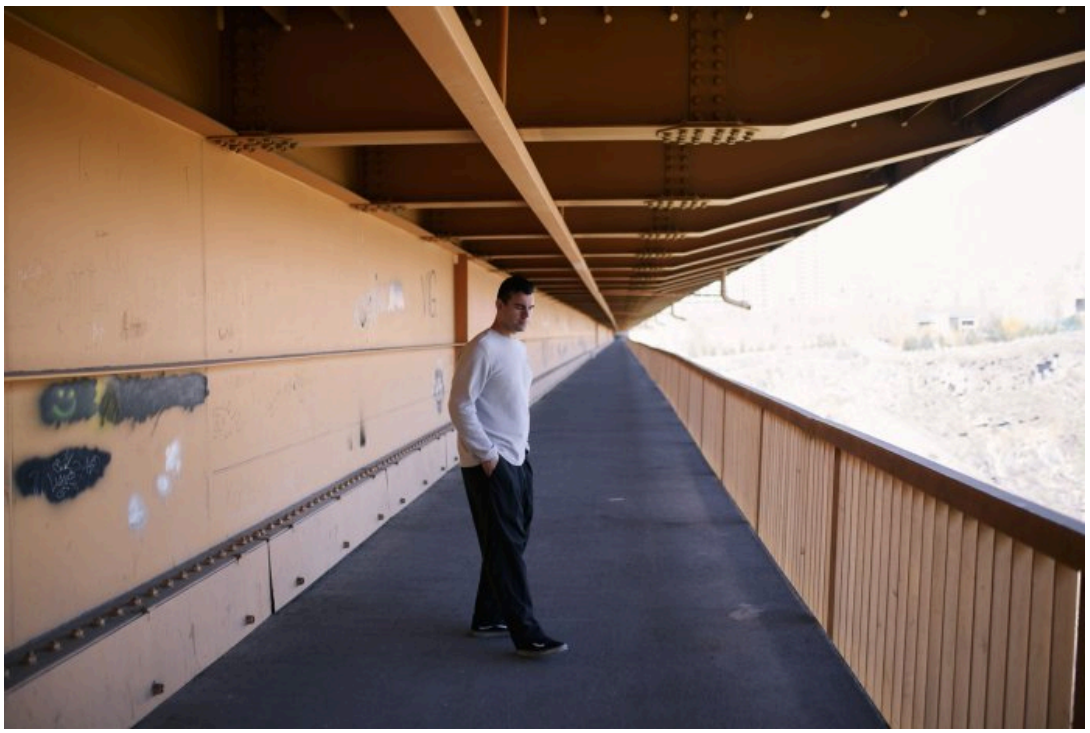
Несмотря на это, там сохранилась кастовая система: «мужики», «опущенные», «козлы». Работы распределялись по этим кастам. «Опущенные» работали только уборщиками, а мы, «мужики», то есть обычные заключенные, имели право работать на швейке, внутреннем ремонте помещений и в столовой. Я работал на «корнегрызке» — овощной цех, туда привозят картошку, и ты ее чистишь. Мое рабочее место было самое лучшее. Я работал без выходных каждый день, но с нюансами: вставал в шесть утра, сразу же шел на работу, чистил овощи, заготавливал на всю колонию и в десять утра уже был свободен. У меня было свое рабочее место, туда даже обычно сотрудники колонии не заходили.

После этого я просто сидел в столовой, читал книгу или отвечал на письма и общался с теми заключенными, кто ко мне заходил. Потом с этой работы мне пришлось уйти из-за войны.

Начало войны

Новости я узнавал из личных писем. Цензор пропускал все, кроме «бунта Пригожина». Еще у меня была подписка на «Собеседник» и «Новую газету». Ко мне очереди выстраивались, — оказывается, зэки очень их любят, чуть до драки не доходило, отрывали с руками — и в СИЗО,

и в колонии. Про «Новую» говорили так: «Руслан, газета очень интересная, но от нее настроение портится».



Утром 24 февраля я пошел в свою любимую «корнегрызку», в овощной цех. Ко мне пришел другой заключенный, Сергей Николаевич, ему 60 лет. Он сказал: «Руслан, ты в курсе, что происходит? Началась война с Украиной». Я не поверил и пошел смотреть телевизор — у нас в каждом бараке было помещение «воспитательной работы»: куча лавочек, где ребята смотрят «Муз-ТВ». В тот день они смотрели новости.

Я как будто оказался в книжке Оруэлла и смотрел со стороны на «двухминутки ненависти». Показывали сюжет про Украину, а все зэки кричали: «Хохлы! Все правильно! Так их!» Я не знал, что так бывает. Зэки реагировали очень активно и очень положительно.

Потом ко мне подошел один человек из администрации и сказал неофициально: «Руслан, у тебя дело уголовно-политическое, сейчас будут провокации». Они действительно были. Ко мне подошел один осужденный,

сказал, что освобождается в марте, спрашивал, как записаться добровольцем в Украину.

До начала войны патриотическим воспитанием занимался канал «Россия 24». После стали проводить воспитательные беседы в меру своей образованности, но получалось это криво. Потом к нам приезжали вербовщики из ЧВК «Вагнер». В моей колонии примерно 250 человек с самого начала были готовы ехать на фронт, еще в марте 2022 года.

Я решил, что жить в бараке со всеми уже не могу, потому что мне могут что-то подкинуть или спровоцировать, записать какой-то мой разговор. Я написал заявление об отказе от работы — в таком случае должны посадить в штрафной изолятор. Так в июле 2022 года я оказался в одиночке и провел там год.

ШИЗО

Это камера — девять квадратных метров или пять на пять шагов. В камере все предметы приварены к полу. Есть стол и лавочка, окно — сорок сантиметров на сорок. Естественно, с решетками. В камере маленькая кабинка с туалетом, раковина. Самая «любимая вещь» — кровать, пристегивающаяся к стене. В пять утра ее поднимают, в девять вечера отстегивают.

Зимой здесь очень холодно. Было отопление, но его не хватало. В нашей обычной одежде мерзло все. Иногда мы кооперировались с ребятами из других камер изолятора и занавешивали видеокамеры в стене пиджаками от своих роб, либо отворачивали и вырывали их совсем, и говорили, что если нам не дадут куртки, мы продолжим это делать. Эти видеокамеры огорожены стальной антивандальной решеткой, но туда можно было просунуть кисть. Такой маленький бунт. После этого куртки выдавали и становилось терпимо, но руки все равно мерзли. В январе–феврале 2023 года температура

внутри точно была ниже десяти градусов. Летом были орды комаров. В магазин нельзя, свидания, звонки и посылки — тоже. Письма, по идее, нельзя получать и отправлять, но у нас была типа добрая администрация, и она позволяла.

Однажды мне стало плохо: всего трясло, болела голова. Я позвал медика, попросил лекарство и разрешение открыть кровать, чтобы полежать. Мне сказали: «Таблеток нет, ты ничем не болеешь, терпи». И ушла. Я там чуть не умер. И на стол лег, и что только ни делал. Медицина там никакая.

Наступил октябрь. Меня привели в штаб. Там сидели два человека в гражданке. Спросили, есть ли у меня военный билет и военная специальность, умею ли владеть оружием. Я — военный медик, оружием владеть умею. Дальше — вопрос: «А вы не хотите поучаствовать в „спецоперации“?» Я говорю: «Господа, я не хочу участвовать по идеологическим соображениям». Позже баландер, который передавал мне еду и сообщал, что происходит

в бараке, сказал, что из моей колонии записались и уехали на войну 70 человек.

Потом в соседнюю камеру подселили человека, который должен был уехать туда через неделю. Самое интересное, что он освобождался через месяц. Я пытался понять, в чем его мотивация. Он сказал: «Мне на эту „спецоперацию“ вообще пофиг. У меня родственников и друзей нет, на работу меня никто не возьмет, я не знаю, чем в этой жизни заниматься, попытаю свое счастье там».

В нашей колонии к ШИЗО рядовой персонал администрации относился халатно. Если мы переговаривались, они на это не обращали внимания. Мы общались на прогулках, либо переговаривались через камеру, потому что сидели хоть и поодиночке, но рядом. Если нужно было передать какое-то сообщение в барак, это делалось через баландера.

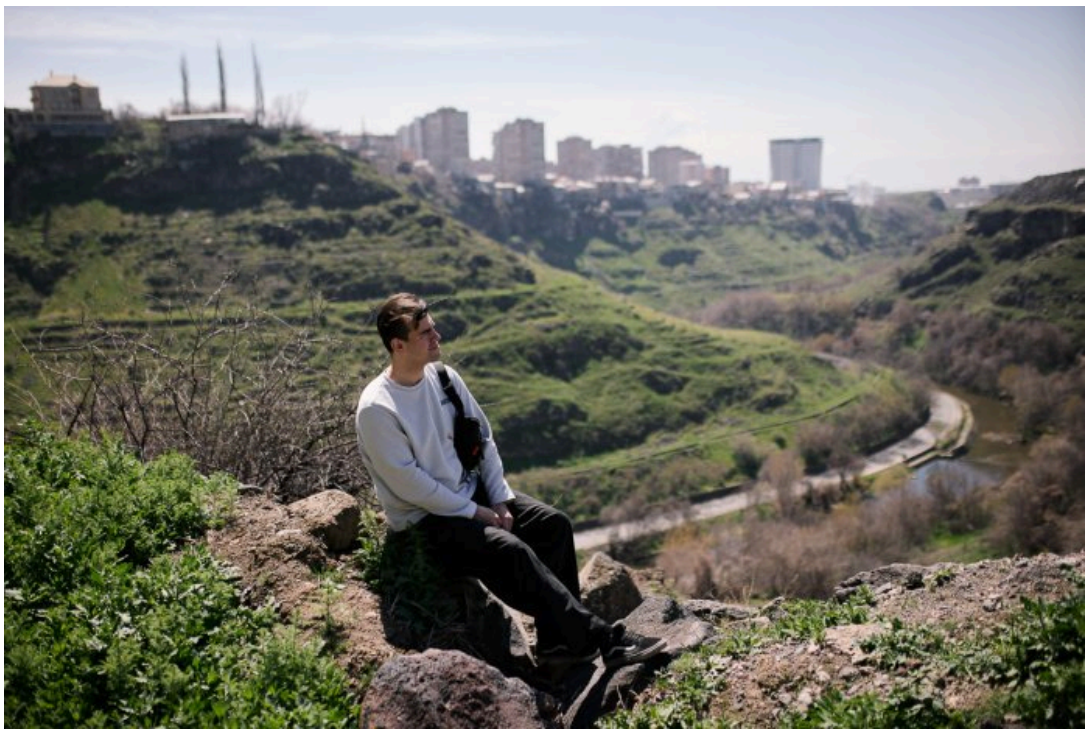
После освобождения

Я освободился 13 июля 2023 года. В первый день поехал отмечаться в инспекцию. Потом — на озеро. Встретился с друзьями и подругами. Все говорили мне, что после года в одиночной камере я стал «затупком». Я и сам чувствовал, что немного торможу.

Еще в 2019 году меня внесли в список «террористов и экстремистов» — из-за этого я не могу осуществлять сделки с недвижимостью. По факту банковскую карту не запрещают иметь, но когда ты приходишь в банк, из-за этого статуса тебе во всем отказывают. Я не имею права владеть загранпаспортом, выходить в ночное время из дома и покидать свой муниципалитет.

После освобождения я пытался устроиться на работу — фотографом, видеомонтажером, разнорабочим, в торговый центр, работником типографии, в магазин «Красное и белое». Никого не смущала судимость,

но когда я говорил, что у меня есть ограничения на владения банковской картой, все говорили, что не могут меня взять. 12 октября я уехал из России.



Я очень надеюсь когда-нибудь вернуться — у меня здесь все. Но, честно говоря, читая новости, понимаю, что все сделал правильно. Политический климат стал жестче. Я думаю, если бы мое дело раскрутилось сейчас, я бы вообще не вышел из тюрьмы.

Записала Марина-Майя Говзман

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Дело «Нового величия»

В движение «Новое величие» внедрились сотрудники спецслужб. Участников обвинили в создании экстремистского сообщества.

23 139

Ещё почитать

06.05.2015 Москва

На Болотной площади задержаны 26 человек

Как собрать передачу в спецприемник, СИЗО и колонию